

- ¹⁸ О гоголевских традициях в творчестве А. Белого и футуристов см.: *Иванюшина И.* Гоголь : «футурист до футуризма» // ФЛПА ЛОГОУ : сб. науч. ст. в честь 70-летия профессора В. В. Прозорова. Саратов, 2010.
- ¹⁹ *Маринетти Т.* Воображение без проводов и слова на свободе. Футуристское мироощущение // Тастевен Г. Футуризм (На пути к новому символизму). Приложение. М., 1914. С. 13.
- ²⁰ *Лотман Ю.* Поэтическое косноязычие Андрея Белого // Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи, воспоминания, публикации. С. 437.
- ²¹ *Крученых А.* Сдвигология русского стиха. М., 1922. С. 17.
- ²² *Кульбин Н.* Что есть слово // Русский футуризм. Теория. Практика. Критика. Воспоминания. М., 1999. С. 45.
- ²³ *Белый А.* Как мы пишем // Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. С. 15.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Бодуэн де Куртенэ И.* К теории «слова как такового» и «буквы как таковой» // Русский футуризм. Теория. Практика. Критика. Воспоминания. М., 1999. С. 289.
- ²⁶ Литературные манифесты... С. 82.
- ²⁷ *Яцутко Д.* Дендратом поэтического языка Хлебникова. URL: http://www.plam.ru/literat/dendratom_royeticheskogo_jazyka_hlebnikova/p1.php (дата обращения: 02.06.2013).
- ²⁸ *Максимов Д.* О романе-поэме Андрея Белого «Петербург». К вопросу катарсиса. URL: <http://philology.ruslibrary.ru/default.asp?trID=527> (дата обращения: 28.05.2013).
- ²⁹ *Мочульский К.* Андрей Белый. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269049378 (дата обращения: 28.05.2013).
- ³⁰ Литературные манифесты... М., 1929. С. 79.

УДК 821.161.1–1.09:2

ПОЭЗИЯ И БОГОСЛОВИЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Р. Р. Измайлов

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова
E-mail: ruslanizmajloff@yandex.ru

В статье рассматривается понятие «богословский текст» в русской литературе вообще и в поэзии в частности. Дается определение этому понятию. Обосновывается важность выявления и исследования «богословского текста» в русской поэзии. Намечаются методологические параметры, позволяющие наиболее плодотворно и адекватно раскрывать глубинные пласты духовно-эстетического ядра, как отдельного произведения, так и художественного мира в целом.

Ключевые слова: поэзия, богословский текст, эртологическая поэтика, амартологическая поэтика, сотериологическая поэтика.

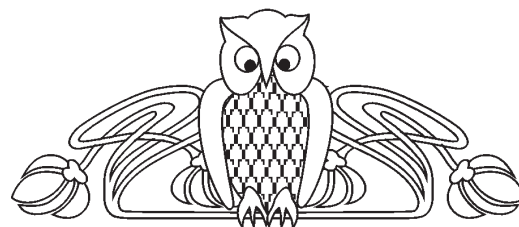
Poetry and Theology: to the Formulation of the Problem

R. R. Izmajlov

The article considers the concept of «theological text» in Russian literature in general and in poetry in particular. This concept is defined in the article. The importance of identifying and researching the «theological text» in Russian poetry is shown. Such methodological parameters are outlined which allow most effectively and adequately to reveal deep layers of the spiritual and aesthetic core of one literary piece as well as of the artistic world as a whole.

Key words: poetry, theological text, eortological poetics, amartological poetics, soteriological poetics.

В современном филологическом дискурсе значительное место занимает духовно-эстетический аспект анализа отечественной литературы. Такой подход представляется методологически обоснованным, более того – необходимым, без него русская литература будет понята неадекватно

и представлена искажённо. Один из крупнейших богословов русского зарубежья о. Александр Шмеман в одной из радиобесед о русской литературе говорил: «Подспудная религиозность русской литературы является ее объединяющим принципом и началом. Историки литературы и литературоведы без конца спорят друг с другом, распределяют писателей, поэтов по категориям, изучают различные школы, влияние одних писателей на других и так далее, и все это, должно быть, очень полезно, очень нужно, но если, помимо всех этих классификаций, существует еще и русская литература как целое, как некий мир, в который можно войти, в котором можно жить, у которого свой неповторимый и единственный воздух, то это потому, что всю ее, эту литературу, связывает воедино вот эта подспудная тема: “О Боге великом он пел, и хвала его непритворна была”¹. Современный исследователь русской литературы И. Есаулов пишет: «К сожалению, нужно признать, что истории русской литературы как научной дисциплины, которая бы хоть в какой-то степени совпадала в своих основных аксиологических координатах с аксиологией своего описания, пока ещё не существует»². Важность «духовного» подхода к художественному тексту при изучении отечественной словесности прекрасно осознавалась русскими религиозными философами. Так, один из крупнейших русских мыслителей С. Л. Франк, пристально вглядывавшийся в сущностные основы русской литературы,

писал: «Трудно назвать другой такой народ, как русский, вся литература которого ещё в XIX веке была бы посвящена религиозным проблемам. Все великие русские поэты всегда были, как известно, и религиозными мыслителями или занимались богоискательством»³. О том же пишет и Н. А. Бердяев: «Великое томление, неустанное *богоискательство* заложено в русской душе... Вся почти русская литература, великая русская литература, есть жизненный документ, свидетельствующий об этом богоискании, о неутолённой духовной жажде»⁴.

Чаще всего в современных литературоведческих исследованиях мы встречаем выявление «библейского текста», анализ религиозных мотивов, образов, категорий и т. п.⁵

На наш взгляд, при анализе русской литературы вообще и поэзии в частности методологически плодотворно будет выделить «богословский текст». Несомненно, что понятие «богословский текст» граничит с такими понятиями, как «библейский текст», «религиозные, библейские, евангельские мотивы» и т. д. Но, тем не менее, мы выделяем его особо и определяем как *поэтическую экзегезу*, то есть поэтическое толкование Священного Писания и интерпретацию «богословских» тем. Эти темы непосредственно связаны с христианской онтологией, антропологией, аксиологией, сотериологией, эсхатологией и т. п., которые, в свою очередь, укоренены в Священном Писании и Священном предании.

В русской литературе самым ценным как раз и является «богословский текст», ибо именно в нём отражается своеобразие и глубина. Богослов, философ и литературовед русского зарубежья В. Н. Ильин писал: «Русская литература есть не только искусство русского слова, равно как и её история не есть просто история литературных явлений. В своей значительной доле русская литература принадлежит истории русской философии и даже истории русского богословия»⁶. По аналогии с определением, которое дал Е. Н. Трубецкой иконе, – «умозрение в красках», мы можем рассматривать «богословский текст» в русской поэзии как христианское «умозрение» в поэтическом слове.

М. В. Ломоносов, один из первых наших светских «поэтов-богословов», говорил, что Создатель дал роду человеческому две книги: в одной показал Своё величество, в другой – Свою волю. Первая книга – видимый сей мир. Наука и искусство призвано в творении познавать Творца. Вторая – Священное Писание. Поэт, подлинный поэт, в своём творчестве «богословствует», толкует обе эти книги, созерцает их, открывая одну в другой. А к этому и призывает святоотеческое богословие. Св. Григорий Богослов говорит: «Я беседую с Творцом и постигаю логосы творения»⁷. «Вникая в логосы тварей», св. Григорий описывает «весь этот мир, небо, землю, море, эту великую и преславную книгу Божию, в которой

открывается <...> Бог»⁷. Именно такое «открытие Бога» мы находим, например, в стихах Анны Ахматовой: «В каждом древе распятый Господь, / В каждом колосе тело Христово. / И молитвы пречистое слово / Исцеляет болящую плоть»⁸.

Для св. Максима Исповедника тоже весь мир логосен и всё в мире логосно. «Бог создал первые логосы вещей и сущностей всего существующего»⁹. Св. Максим призывает к «исследованию этих духовных логосов видимых тварей»¹⁰. Он высказывает мысль о том, что «надо расшифровывать таинственную криптограмму бытия»¹¹. Через 200 лет после Ломоносова Александр Кушнер, поэт, на первый взгляд, весьма далёкий от богословских рефлексий, вглядываясь в «криптограмму бытия», написал замечательное стихотворение «Куст», в котором явлен подобный созерцательный опыт:

Евангелие от куста жасминового,
Дыша дождём и в сумраке белея,
Среди аллей и звона комариного
Не меньше говорит, чем от Матфея.

Так бел и мокр, так эти грозди светятся,
Так лепестки летят с дичка задетого.
Ты слеп и глух, когда тебе свидетельства
Чудес нужны ещё, помимо этого.

Ты слеп и глух, и ищешь виноватого,
И сам готов кого-нибудь обидеть.
Но куст тебя заденет, бесноватого,
И ты начнёшь и говорить, и видеть¹².

Творчество подлинного поэта так или иначе проникнуто богословской интенцией. Наиболее глубокие мысли о природе и сути творчества вообще и художественного творчества в частности мы находим в святоотеческой мысли. В творениях Григория Нисского, Василия Селевкийского, Анастасия Синаита, Фотия Константинопольского, Иоанна Дамаскина, Феодорита Кирского, Григория Паламы творчество человека рассматривается в связи с проблемой его богоподобия. Творчество – это и особый дар человеку, и его обязанность перед Творцом, поскольку создан человек по образу и подобию Божьему. Именно поэтому человеческое творчество символически отображает миротворчество¹³.

Святоотеческое наследие даёт нам образ подлинного богослова: подлинный богослов тот, кто молится¹⁴. А поэзия есть сестра и помощница молитвы. Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) писал: «Поэт “милостью Божьей” имеет власть превращать воду человеческих слов в вино, а это вино обращать в кровь Слова. Такое высшее назначение поэзии, её смысл евхаристический... Доставлять чистый воздух горнего мира человеку дано молитве. И молитва поручает поэзии быть её помощницей»¹⁵.

Философ И. Ильин отмечал, что «искусство в России родилось как действие молитвенное; это был акт церковный, духовный; творчество

из главного; не забава, а ответственное делание; мудрое пение или сама поющая мудрость»¹⁶. Этот «родовой знак» не исчез из русской словесности и после «секулярного потопа». Явно и подспудно он присутствовал и присутствует в ней и животворит её, формируя в том числе и «богословский текст». Само же зарождение и существование нашей словесности в досекулярный период, то есть до середины XVII в., представляет собой интереснейшее явление, в том числе с точки зрения творческого метода, который напрямую связан с «богословским текстом».

Древнерусский, или в другой терминологии – восточнославянский (а это более шести веков), период нашей словесности характеризуется тем, что проблема творчества осмыслялась не в эстетических, не в психологических категориях, а в категориях онтологических и сотериологических. В фундаментальном исследовании древнерусской литературы Л. Левшун «История восточнославянского книжного слова XI–XVII веков»¹⁷ называются следующие отличительные признаки средневековой восточнославянской книжности: литургичность, благодатность или харизматичность, молитвенность, исповедность, теогностичность, спасительность, поучительность, соборность. В средневековой словесности Л. Левшун выделяет три основных художественных метода. Эти методы, по мысли исследователя, связаны с модусом бытия Священного Писания в сознании художника. В зависимости от этого модуса можно выделить три основных творческих метода: типологическую экзегезу, аллегорическую амплификацию и обратную типологию.

Первый метод заключается в том, что для каждого наблюдаемого события и явления обязательно отыскивается в Священном Писании и предании его прообраз. Первичными, таким образом, признаются события и явления, представленные в откровении – в Священном Писании; именно они – прототипы всех других исторических явлений. Соответственно, толкование (экзегеза) исторических событий строится на основе библейского смысла прототипа, в результате чего выстраивается библейская типология как всей истории человечества, так и жизни отдельного человека.

Суть второго метода – аллегорической амплификации – заключается в том, что Священное Писание воспринимается как предмет анализа, но исходя не из строго святоотеческой экзегетики, а из собственного разума и таланта. Священный текст наделяется столькими аллегорическими значениями, сколько способен придумать экзегет. Их практически невозможно унифицировать. Это своеобразная игра интеллекта и воображения. В результате священный текст эстетизируется и десакрализируется. Старообрядческое начётничество во многом строится на этом методе.

При третьем методе Священное Писание воспринимается как «цитатник», источник поучительных афоризмов и сентенций, превращается

в антологию «пословиц и поговорок», которые приложимы к различным жизненным ситуациям. Священный текст становится вторичным по отношению к эмпирической реальности¹⁸.

Эти три метода, так или иначе сохраняют своё «силовое поле» и в последующие эпохи, то есть в литературе Нового времени и на современном этапе. Тот или иной метод (а иногда и их совокупность) задаёт определённые параметры «богословского текста» в произведении, хотя, конечно, основополагающим методом для «богословского текста» является первый – типологическая экзегеза.

Для поэзии XVIII–XIX вв. и для начала XX в. поэтический «богословский текст», несмотря на интенсивную секуляризацию культуры, остаётся всё же «законной кометой». Он воспринимается как то, чего не может не быть в русской поэзии. В лучших поэтических произведениях этого двухсотлетнего периода обязательно присутствует «богословский текст»: достаточно вспомнить такие стихотворения, как «Вечернее размышление о Божественном величии» М. В. Ломоносова, «Коль славен наш Господь в Сионе...» М. М. Хераскова, «Бог» Г. Р. Державина. «Богословский текст» А. С. Пушкина требует особого внимания, перечислим лишь несколько произведений: «Пророк», «В начале жизни школу помню я...», «Как с древа сорвался предатель ученик...», «Странник», «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и др. Вообще, в русской поэзии Пушкинской эпохи и всего XIX в. возникает новый жанр – поэтическая молитва. Молитвы и молитвенность положены в основу многих стихотворений В. Жуковского, К. Языкова, М. Лермонтова, В. Кюхельбекера, П. Вяземского, И. Козлова, И. Никитина, Н. Кольцова, А. Хомякова, А. Майкова, Я. Полонского, А. Григорьева, К. Р. (Константина Романова) и многих других.

Поэзия Серебряного века, особенно символистского направления, тесно связана с «богословским текстом», ибо вся она дышит богоискательством, жаждой откровений, эсхатологическим ожиданием конца, чаянием нового эона бытия. «Богословский текст» творцов Серебряного века был ярким и очевидным, но он часто срывался в ересь, в магизм, ему не хватало трезвомыслия. Отрезвление пришло, когда, по словам одного из самых пронзительных поэтов «русского Ренессанса» В. Ходасевича, «художник наконец оказался вполне окружён холодом стратосферической атмосферы, где религиозного кислорода, необходимого его лёгким, уже почти нет»¹⁹. Эти слова сказаны Ходасевичем уже в эмиграции. А в Советской России «религиозный кислород» уничтожали в буквальном смысле.

Но парадоксальным образом уничтожение, запрет, цензурное давление привели к тому, что русская поэзия стала, перефразируя слова поэта, действительно больше, чем поэзия. Она стала и «проповедью», и «апологетикой» – источником

«воды живой», «благовестием», «начатком» спасения! Несомненно, всё это присутствовало в ней и в XVIII и XIX вв., но это был, так сказать, общий хор. А в страшном обезбоженном XX в. поэзия стала «гласом вопиющего в пустыне», призывающим вознест сердца и души от «дольного» к «горнему». О. Александр Шмеман в своих дневниках 1970-х гг. писал: «А стихи-то, пожалуй, имеют – в России, во всяком случае – большую, чем проза, сотериологическую функцию – Ахматова, Мандельштам, Пастернак...»²⁰. По поводу этих слов его духовная дочь, а отчасти и ученица Ольга Меерсон в своём докладе, посвящённом литургическому наследию о. Александра Шмемана, сказала: «Редко встретишь нынче человека, который так бы думал и о поэзии, и о сотериологии <...> для самого о. Александра сотериологическая функция поэзии – и в большей степени именно русской поэзии – была очень важна. Для него поэзия относится к Спасению, как путь к цели»²¹. И здесь мы должны подробнее остановиться на богословских положениях, связанных с творчеством, искусством, словесностью.

Каким открывается мир человеку в опыте православной церкви? Три фундаментальных элемента видения открывается нам в этом опыте. Первый элемент, как пишет о. Александр, – «это опыт мира как творения Божия и потому позитивного по своему происхождению и своей структуре, мира, запечатлевшего в своём устроении и бытии мудрость, славу и красоту Того, Кто его создал: “Исполнь небо и земля славы Твоея”. В христианской вере, являющей полноту библейского прославления Бога в Его творении, нет ни онтологического дуализма, ни космического пессимизма. Мир “добр зело”».²² «Провозглашать, что мы – Божие творение, – пишет о. Александр в другой статье, – значит утверждать, что глас Божий постоянно звучит внутри нас и говорит нам “И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма” (Быт. 1:31)»²³.

Второй элемент неотделим от первого: «Этот мир – падший, всецело падший; он сделался царством князя мира сего... Всё было сотворено добрым и всё пало»²⁴. «Это падшее, хотя и не могло упразднить присносущную благодать Божия творения, всё же вызвало его отчуждение от Бога, превратило его в “мир сей”, который став “плотью и кровью”, гордостью и самостью, сделался не только чуждым Царства Божия, но и активно противостоящим ему»²⁵.

И, наконец, третий элемент, третий опыт, третье фундаментальное провозглашение – всё искуплено, «искуплено через воплощение, крест, воскресение и вознесение Христа, через дар Духа в пятидесятницу»²⁶.

Итак, всё было сотворено добрым, всё пало и всё искуплено. «Такова триединая интуиция, которую мы принимаем от Бога с благодарением и радостью: наше видение мира как сотворённого, падшего, искупленного. Это наша богословская

программа, наш ключ ко всем проблемам, волнующим современный мир»²⁷.

Три этих фундаментальных элемента или три основополагающих опыта являются квинтэссенцией христианского миропонимания. В идеале они составляют триадологическое единство в миропонимании отдельного человека – члена Тела Христова. Но это единство не в миропонимании, а в мирочувствии скорее выступает как цель, а не данность. Точнее сказать, единство дано онтологически, но экзистенциально мы далеко не всегда это чувствуем и переживаем. В нашем мирочувствии может преобладать, доминировать тот или иной элемент этой триады. Особенно в творчестве, в искусстве, в литературе, в поэзии. Вот тут-то мы и можем (должны!) использовать богословский «ключ». Триаду «мир сотворён хорошо зело, мир пал, мир спасён» мы накладываем на творчество писателя, поэта и выявляем основные тенденции его художественной интуиции. Причём можно рассматривать в этом ключе и творчество в целом, и отдельный период, и отдельное произведение. Таким образом, у нас появляется возможность особого подхода к тем или иным поэтическим (в широком смысле слова) направлениям. Не отменяя тематического деления лирики на пейзажную, любовную, философскую, гражданскую и т. д., мы можем ввести новые принципы классификации, связанные с тремя выделенными интуициями.

Выявление в творчестве красоты мира, красоты человеческих отношений (чистая любовь и дружба), ощущение мира как праздника порождает *эортологическую поэтику*²⁸.

Свидетельство об уродстве мира, о присутствии в нём греха, зла, несправедливости, насилия выявляются в *амартологической поэтике*²⁹.

Порыв к преодолению зла через жертву и любовь, через Голгофу к воскресению воплощается в поэтике спасения, или *сотериологической поэтике*³⁰.

Конечно, не следует забывать, что поэтические миры – это сложное явление, они сопротивляются схематизации, поэтому лучше говорить о доминантных векторах творческой интуиции, воплотившейся в тех или иных произведениях. К тому же в силу онтологического единства триады каждый из её элементов в отдельности несёт «следы» двух других. Тем не менее такая «классификация» не только позволяет многое увидеть и понять в творчестве писателя, но и включает светское, «секулярное» искусство в домостроительное единство Церкви.

В дневниках о. Александра Шмемана мы встречаемся с ещё одним «триединством», которое тоже исключительно плодотворно для филолога, исследователя литературы: «Мне показалось, – пишет о. Александр, – что можно было бы представить в некоей триединой интуиции, в постоянном хранении даже не сознанием, а именно нутром, душой следующих “отнесённостей”»: “Космическая” – это само чувство жизни *hinc et*

нип, это хранение душой общения с космосом: природа, “это” время, свет, сам во всём этом. Это – обратное отделению, отчуждению, изоляции. Мир – как постоянно даруемый и постоянно принимаемый дар. Благодарность. Радость, и в этом смысле – сама жизнь как молитва.

“Историческая”. Это – внутренняя отнесённость к своему делу, месту, призванию; это послушание, смирение, готовность, знание опасности, искушений, борьбы, “блюдите како опасно ходите” (Еф.5:15). Тут молитва о помощи, молитва-экзорцизм, молитва-прояснение (“дай силу принять”).

И, наконец, “эсхатологическая”. Отнесённость к последнему, к взыскуемому и ожидаемому: “Да придет Царствие Твое...”

Мне думается, – пишет о. Александр, – что если суметь действительно жить этим “триединством”, то в нём и разрешение “проблем”, которые все – либо от выпадения одной из “отнесённостей”, либо от их “извращения”³¹.

Снова мы видим, что «триединство отнесённостей» – цель, а в реальности – либо утрата, либо «извращение». И эти «отнесённости» как нельзя лучше «накладываются» на творчество, они «работают» и при анализе поэтических миров, и при рассмотрении культурных эпох, и при исследовании тех или иных литературных направлений.

Для целостного анализа необходимо использовать обе триады, памятуя и о трёх методах творчества в контексте соотнесения со Священным Писанием. Это позволит проникнуть в сокровенные тайники творческого акта и его воплощения в произведении. Естественно, что такая «триадология» не отменяет других видов анализа, но существенно их дополняет и углубляет, особенно при исследовании «богословского текста».

Примечания

- 1 Прот. Александр Шмеман. Проповеди и беседы. URL: www.predanie.ru/lib/book/rid/71609 (дата обращения: 21.04.2013).
- 2 Есаулов И. Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1994. С. 382.
- 3 Франк С. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 185–186.
- 4 Бердяев Н. Русские богоискатели // Бердяев Н. О русских классиках. М., 1993. С. 260.
- 5 Можно сказать, что уже сложились «школы» подобной герменевтики художественного текста. Например, Петрозаводский университет постоянно проводит конференции и выпускает сборники научных трудов под общим заглавием «Евангельский текст в русской литературе». В РГГУ И. Есаулов, в МГУ В. Воропаев являются вдохновителями и руководителями «духовно-эстетических школ» анализа русской культуры и литературы.
- 6 Ильин В. Арфа Давида в русской литературе. СПб., 2009. С. 540.
- 7 Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 328.
- 8 Ахматова А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1999. Т. 2. Кн. 1. С. 127.
- 9 Архимандрит Киприан (Керн). Указ. соч. С. 330.
- 10 Там же.
- 11 Там же. С. 331.
- 12 Кушнер А. Канва. Л., 1981. С. 170.
- 13 См.: Архимандрит Киприан (Керн). Указ. соч.
- 14 «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если ты молишься истинно, то ты – богослов» (Евагрий Понтийский) (Цит. по: Лосский В. Боговидение. М., 2003. С. 396).
- 15 Иоанн (Шаховской), архиепископ Сан-Францисский. О поэзии // Иоанн (Шаховской), архиепископ Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск, 1995. С. 524.
- 16 Ильин И. О тьме и просветлении // Ильин И. Собр. соч.: в 10 т. М., 1996. Т. 6, кн. I. С. 204.
- 17 См.: Левиун Л. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск, 2001.
- 18 Там же. С. 70–73.
- 19 Ходасевич В. «Умирание искусства» // Ходасевич В. Перед зеркалом. М., 2002. С. 403.
- 20 Прот. Александр Шмеман. Дневники. 1973–1983. М., 2005. С. 489.
- 21 Меерсон О. Литургическое богословие прот. Александра Шмемана. URL: www.damain.ru/Cerkov:sovremennost/Meerson/Shmeman (дата обращения: 15.04.2013).
- 22 Прот. Александр Шмеман. Мир в свете православной мысли и опыта // Прот. Александр Шмеман. Собрание статей. 1947–1983. М., 2009. С. 104.
- 23 Прот. Александр Шмеман. Литургия и эсхатология // Прот. Александр Шмеман. Литургия и предание. Киев, 2005. С. 121.
- 24 Там же. С. 121–122.
- 25 Прот. Александр Шмеман. Мир в свете православной мысли и опыта. М., 2009. С. 104–105.
- 26 Прот. Александр Шмеман. Литургия и эсхатология. С. 122.
- 27 Там же.
- 28 Эортология (греч. *εορτή* – праздник + греч. *λόγος* – слово, речь, разум; мнение, учение) исторически возникает в системе богословских наук в рамках литургики – специальной церковной науки, занимающейся изучением богослужения.
- 29 Амартология (греч. *ἀμαρτία* – промах, ошибка, прегрешение, болезнь и *λόγος* – наука, учение) – учение о грехе и его последствиях.
- 30 Сотериология – (греч. *σωτηρία* – приведение в цельность или оздоровление больного человека) – христианское учение о спасении, исцелении тварного мира и человека от богоотчужденности и греха.
- 31 Прот. Александр Шмеман. Дневники. 1973–1983. С. 219–220.